# Секст Эмпирик как интеллектуальный транквилизатор

Мария Лоренца Кьезара. *Секст как лекарство от тревоги. Чему мы можем научиться у философов-скептиков*. Перевод с итальянского Анны Филосян. М.: Альпина, 2024. – 144 с. ISBN 978-5-9614-9493-8.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-42-48 УДК 1(091)

Первое, на что нужно обратить внимание, говоря об этой книге – это ее жанр. С одной стороны, это работа в некотором смысле по истории философии: она повествует об античном скептицизме и Сексте Эмпирике и кратко описывает историю первого и философию второго. С другой стороны, это не исследование, а популярное изложение для самого широкого круга читателей. Специалисты бывают склонны смотреть на книги такого жанра свысока, но я, напротив, считаю их очень важными: популярные введения в предмет наших исследований делают то, чем мы занимаемся, общим достоянием, тогда как без них оно оставалось бы спрятанным под толщей технических трудностей в интеллектуальные закрома, над которыми чахнет дюжина жадных до знаний профессоров. Наконец, эта книга претендует не только рассказать своему читателю что-то об античном скептицизме, но и тем самым дать ему в руки некоторый инструмент для решения его собственных трудностей: Кьезара считает, что философские рецепты античных скептиков актуальны и сегодня. В этом смысле она не только является популярным изложением историко-философского сюжета, но и развивает (впрочем, также в популярном ключе) некоторые содержательные философские тезисы.

Русские издатели дали книге вольное и несколько игривое название (видимо, рассчитывая примерно на следующий эффект: что-что как лекарство от тревоги?): в оригинале книга называется «Семь коротких лекций о скептицизме». Это, помимо прочего, объясняет, почему в самой книге автор постоянно

© Юнусов А.Т., 2025

говорит «в этой лекции» и «в следующей лекции», при том, что в тексте никак не оговорено, что нам будут предложены именно «лекции». Перевод книги в целом хорош: в смысле стиля и правильности построения фразы он не затрудняет чтение, а в смысле передачи технической терминологии он, как правило, точен. Неприятное впечатление оставляют лишь примечания переводчика и научного редактора. Они написаны на плохом русском языке и не демонстрируют хорошего понимания предмета[1]. К счастью, они чрезвычайно редки. В целом качество издания этой небольшой книжицы (140 страниц ее уменьшенного формата можно прочитать за вечер, по 20–30 минут на лекцию) оставляет приятное впечатление.

Историко-философская часть этой работы выполнена на достаточно высоком для такого издания уровне: Кьезара, профессор Миланского университета и автор «Истории греческого скептицизма»[2], хорошо знает свой предмет. Некоторое удивление может поначалу вызвать полное отсутствие ссылок на источники в тексте; но более внимательное ознакомление с книгой обнаруживает, что ссылки есть, просто они вынесены в отдельную главу в конце книги, где Кьезара объясняет, в каких источниках можно найти пересказанные ею в основном тексте фрагменты – видимо, это техническое решение связано с популярным характером книги. Пересказ исторических данных и тезисов античных скептиков выполнен компетентно и одновременно, насколько я могу судить, на очень доступном уровне. Знакомый с античным скептицизмом читатель не найдет здесь для себя чего-то нового, но тот, кому об античном скептицизме не известно ничего, может составить себе по этой книге неплохое предварительное представление о данном предмете.

---

[1] Один пример: примечание к слову «апорийный»: «от “апория” (от греч. безысходность, безвыходное положение) – это вымышленная, логически верная ситуация (или суждение), которая не может существовать в реальности, в которой рассуждения ведут к противоречивым выводам и кажется невозможным найти ответ или решение […]» (с. 20). Достаточно было сказать, что по-гречески «апория» – это «затруднение».

[2] Maria Lorenza Chiesara, *Storia dello scetticismo greco* (Torino: Einaudi, 2003).

В отношении историко-философской части обсуждаемой работы у меня есть одна претензия, но, чтобы она стала понятнее, следует сначала сказать о другой составляющей книги: той, где Кьезара переходит из модуса историка философии в модус автора, рекомендующего скептицизм читателю от своего собственного имени. Эта часть книги кажется мне провалом на грани катастрофы.

Рассуждения Кьезары о полезности философии античных скептиков для нас сегодня характеризуются *полным* отсутствием критической дистанции в отношении своего предмета. Кьезара легко соглашается с самыми слабыми доводами и рассуждениями Секста и с почти одинаковым энтузиазмом горячо рекомендует читателю всё, что бы тот ни сказал; читать такое в книге о философе, главным врагом которого служит догматизм во всех его проявлениях, право слово, просто неловко. Собственно, из текста книги может сложиться впечатление, что слабых мест и проблем у античных скептиков просто нет. Кьезара *ни разу* не проблематизирует обсуждаемые ею тезисы скептиков и не делает никаких намеков на то, что какие-то части их системы могут нуждаться в ревизии или доработке. Например, обсуждая

> печальный пример владельца малого бизнеса, которому приходится выбирать, уволить ли ему часть сотрудников или поставить под угрозу жизнь своей компании […],

Кьезара пишет:

> признание того, что абсолютно правильного решения не существует, могло бы его успокоить и побудить спокойно взглянуть на проблему, пытаясь представить практические последствия обоих вариантов. В конечном итоге одно из двух решений может показаться менее ужасным и непоправимым, чем другое […] (с. 47–48).

Это рассуждение оставляет массу вопросов. Почему тот, кто думает, что правильного решения нет, будет склонен выбрать «менее ужасное» решение, а не какое угодно? И если он всё-таки выбирает «менее ужасное» решение, то не потому ли, что он считает его всё-таки правильным? Рекомендация рассмотреть

практические последствия – это солидаризация с консеквенциализмом в нормативной этике, но консеквенциализм не является скептической позицией и требует принятия содержательных убеждений; причем же здесь скептицизм?

Возможно, на все эти вопросы античные скептики устами Кьезары вполне способны ответить[3]. Но Кьезара не просто не делает ничего, чтобы развеять подобные сомнения читателя: она даже не указывает на возможность увидеть в этом рассуждении какую-то проблему.

Приведенный пример не является редким или исключительным. Значительная часть книги состоит из рекомендаций, которые высказаны, но не подвергнуты сколько-нибудь удовлетворительному обсуждению или обоснованию. Так, на с. 50–53 пересказывается учение Секста о том, что когда мы переживаем холод, жажду, страдания и т.п., воздержание от суждения о том, что с нами происходит зло, может помочь нам лучше переносить эти тяготы, потому что мы не будем переживать дополнительных тягот от мысли, что с нами происходит зло; Кьезара, как всегда, солидаризируется с Секстом, замечая, что:

> даже если вы подвергаетесь насилию или угнетению, стремление не поддаваться страху и гневу […], может помочь им противостоять (с. 52–53).

Это, пожалуй, верно, но вновь: если речь идет об избавлении от страха и гнева, то причем здесь скептицизм? Во-первых, чтобы добиться терапевтического эффекта, связанного с убеждениями, следует, кажется, скорее считать, что страдания определенно *не являются* злом (и в целом неясно, почему воздержание от суждения в этом и других вопросах не будет производить как раз дезориентирующего и пугающего эффекта: почему мир, в котором нет никакой возможности понять, что именно является хорошим, а что – плохим, должен успокаивать, а не тревожить нас?). Во-вторых, есть масса способов избавиться от гнева и страха, не предполагающих никакой работы с убеждениями о том, что страдания (не) являются злом, и они, кажется, куда эффективнее.

---

[3] Впрочем, сомневаюсь.

В целом Кьезара раз за разом утверждает (впрочем, никогда не проговаривая этого эксплицитно), что путь античного скептика ведет в том же направлении, в каком указывают ценности Просвещения и современного либерального общества. Скептик будет противостоять тирании (с. 63–65), способствовать общественной солидарности (с. 65–66; гл. VII), верить научным данным, а не теориям заговора и лженауке (гл. VI) и т.п. Но каждый раз ее обоснование этих тезисов просто смехотворно: в лучшем случае она повторяет малоубедительные ответы Секста на возражения, с которыми он сталкивался в свое время; нередко никакого обоснования не предлагается вовсе.

Отсутствие обсуждения острых и проблемных моментов учения скептиков нельзя объяснить популярным характером книги. Сколь бы книга ни была ориентирована на широкую аудиторию, это не может служить оправданием некритического отношения к пересказываемому материалу. И даже современные стоики, пересказывая в своих вполне популярных публикациях учение античной Стои, которое они в целом намерены защищать, признаю́т, что в нём есть проблемные места, и пытаются либо предложить менее очевидную, но призванную решить теоретические проблемы интерпретацию этих мест, либо скорректировать древние учения[4]. Кьезара же пишет книгу, в которой нет ни одного (!) тезиса Секста и его товарищей, которому не была бы выражена всецелая поддержка. Живший 19 веков назад беотийский врач невероятным (в более чем одном смысле) образом оказался прав буквально во всём.

О таких вещах, как сравнение античного скептицизма с более современными антидогматическими позициями, речи, разумеется, также не идет: в последней главе Кьезара кратко упоминает некоторых продолжателей древнего скептицизма, но не останавливается на сути различий между ними. А ведь именно от такого сравнения читатель Кьезары мог бы выиграть более всего. Самое ценное, что есть в скептицизме – это как раз антидогматический настрой: враждебность по отношению к твердолобой уверенности в тезисах, принимаемых без

[4] См., например, Джон Селларс, *Стоицизм* (М.: Ad Marginem, 2025).

достаточных на то оснований. Через Секста проходит тянущаяся от эленхоса Сократа линия эпистемической гигиены, доживающая до наших дней в виде теорий критического мышления, процедурной рациональности, фаллибилизма и т.п. И хотя скептикам нельзя не отдать должного как важному звену в истории критической рациональности, очень трудно представить, как можно всерьез отстаивать позицию, согласно которой их – очень ранний и очень путаный – подход к этой проблеме выигрывает у других подходов или хотя бы оказывается не хуже их, и Кьезара не делает ничего, чтобы сделать эту позицию правдоподобной. Античный скептицизм в ее изложении вызывает ощущение преисполненности непоследовательностями, противоречиями и необоснованными скачками. Так, несомненно, над нами всегда нависает возможность ошибки, но радикальный отказ от вынесения истинностных оценок и формирования убеждений, проповедуемый скептиками, кажется совершенно несоразмерным проблеме и почти истерической реакцией на эту трудность, которая куда благоразумнее решается признанием фаллибильности наших убеждений и готовностью в любой момент их пересмотреть, если для этого появятся хорошие основания. А признание возможности действовать на основании «видимой природы вещей» или «неизбежных привязанностей», кажется, неизбежно предполагает принятие нагруженного теоретического тезиса о том, что та и другие *действительно* существуют, что, кажется, трудно совместить с проповедуемым стоиками воздержанием от суждения. Повторю, возможно, впечатление глубоких внутренних проблем древнего скепсиса ошибочно – но тогда на его современных защитниках вроде Кьезары лежит обязанность его развеять, тогда как работа Кьезары это впечатление только усугубляет и, что хуже всего, при этом настойчиво продолжает преподносить это сомнительное интеллектуальное снадобье как панацею.

В конечном счете интеллектуальная осторожность и осмотрительность – это и правда лекарство от многих бед человеческого существования. Но (следуя метафоре самого Секста, которую охотно воспроизводит Кьезара) любое лекарство, если преступить в его дозе меру, превращается в яд. Кьезара прописывает философию Секста как седатив: лекарство от тревоги,

помогающее нам справиться с волнениями враждебного и неясного мира. Но в той концентрации и по тому рецепту, по какому его отпускает Кьезара, скептицизм, боюсь, грозит оказать на разум не успокаивающий, а глубоко снотворный эффект. Усыпленный транквилизатором Кьезары разум обращает мало внимания на аргументацию, обоснованность, надежность, внутреннюю последовательность и непротиворечивость. Впрочем, зачем думать, если главная цель – поменьше переживать?

Институт философии РАН

**А.Т. Юнусов**
**forty-two@mail.ru**

## Вальтер Бершин. *Греко-латинское Средневековье: от блаженного Иеронима до Николая Кузанского*. Перевод с немецкого А. Виноградова. М.: АСТ, 2024. – 416 с. ISBN 978-5-17-165601-0.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-48-53 УДК 1(091)

Вальтер Бершин (Walter Berschin) – выдающийся немецкий филолог-медиевист, профессор латинской словесности Гейдельбергского университета, руководитель престижного семинара по латинской филологии Средних веков и Нового времени, автор монументального пятитомного исследования «Биография и стиль эпохи в латинском Средневековье» (Biographie und Epochenstil im lateinischen Mittelalter, Штутгарт, 1986–2004), посвященного латинской агиографии и ее связи с литературными стилями различных периодов Средневековья. Его монография «Греко-латинское средневековье» (Griechisch-lateinisches Mittelalter) представляет собой всестороннее исследование культурного взаимодействия между греческим Востоком и латинским Западом, охватывающее период с IV по XV вв. Основное внимание автор уделяет феномену двуязычия, переводческой

© Карпов К.В., 2025